

Кан Джун улыбнулся доктору Ли Дэ Вону. И тот тоже заулыбался, принимая это как согласие.

Однако то, что вышло изо рта Кан Джуна, было совсем другим.

— Как вы, возможно, слышали, я был охотником, прежде чем стал менеджером.

— О, да... Но не понимаю, при чем тут...

— Беглых мутантов разыскивают не только в Корее, но и по всему миру. Попался ли он полиции или военным, мутант может сбежать, ну, знаете, подопытный, да?

— Да, да. Верно.

— Знаете ли вы, что этими подопытными торгуют, и оборот этой деятельности оценивается в миллиарды? Их продают на черный рынок, в институты, изучающие мутантов, в лаборатории.

При упоминании лаборатории Ли Дэ Вон побледнел.

— О, это... На этот раз... Это новичок.

— Все незаконные био-тесты проводятся в подпольных лабораториях, но результаты исследований уничтожаются при любой попытке захвата. Наличие живого подопытного фактически сэкономит от сотен миллиардов до триллионов долларов, но разве это не будет стоить миллиарды?

Кан Джун продолжал говорить, словно шутил, попивая кофе.

— Большинство сбежавших мутантов или подопытных умирают от аллергических приступов, шока или сепсиса во время тестов на стабильность. — Кан Джун пробормотал, глядя на его побледневшее лицо. — Становятся трупами.

Доктор Ли Дэ Вон потерял дар речи.

— Люди умирают, потому что они являются результатом незаконных экспериментов, верно? Например, от шприца, который был использован в грязном помещении. СМИ обыграли гигиену незаконных лагерей мутантов как достаточно опасную, чтобы беспокоиться об их скорейшем закрытии. Но вот что странно: подопытные умирают под скальпелем даже тогда, когда эксперименты на них проводятся в идеально стерильных условиях. Ну, если все говорят, что он умер во время теста на стабильность, что ж, да. Бедняга, но ничего не поделаешь.

Кан Джун покатал кофе во рту, пытаясь распробовать вкус. Он вообще не очень любил кофе.

— Я не знаю, продают ли их фармацевтическим компаниям или лабораториям и препарируют живьем. Это просто подмена понятий, а по сути — одно и то же. А потом они умирают. Может быть, кому-то очень-очень повезло, что он остался жив.

— Почему вы говорите об этом?

— Вы действительно не знаете?

— Уверяю вас, я впервые слышу об этом.

— Тогда одно из двух, — Кан Джун улыбнулся директору правительственной лаборатории мутантов, который уже был ошеломлен, — вы работаете впустую или лжете.

— Как исследователь, я никогда не делал ни одного поступка, за который мне было бы стыдно!

— Разве с людьми обращаются так, будто это экспериментальный материал?

Всякий раз, когда Дживон рассказывал о лаборатории, он говорил, что его «использовали», называя субъектом.

— Доктор?

— ...

— Вы вообще смотрите на него как на человека? Или принимаете его за какой-то диск с данными? Я готов прямо сейчас дать вам денег и выкупить его.

Кан Джун не был зол и не угрожал. Но Ли Дэ Вон дрожал до самых кончиков пальцев.

— Зная больше о мутантах, мы сможем защитить больше людей. Монстры все еще угрожают миру, но когда будут созданы новые мутанты, люди будут в большей безопасности, чем сейчас! Почему это плохо?

— Это очень распространенная точка зрения на проблему, за которой на самом деле стоит попытка оправдать собственную безнравственность за счет общественных интересов из-за отсутствия логики.

— Ну, что...

Когда Кан Джун без комментариев указал на изменение отношения собеседника, лицо которого покраснело. Нельзя скрыть эмоции, когда злишься и смущаешься.

— В конце концов, разве доктор не признался в собственном намерении продать Дживона или убить его, пожертвовав бумажкой?

Неожиданно нашлось оправдание, и он не мог не признать его. Ли Дэ Вон прикусил губу и сказал, как бы жуя.

— Это тяжкое оскорбление. Я этого так не оставлю.

— Что вы собираетесь делать, если не смиритесь?

— Я думаю, вы хотите знать, почему существует закон. Вы хотите, чтобы я делал то, что хочу?

— Ну, тогда нам придется описать этот сегодняшний разговор в суде.

У Кан Джуна не было диктофона.

— Ты собираешься сделать именно то, что я сказал тебе сделать, когда давал тебе деньги, верно?

— ...

По мнению Кан Джуна, директор КЛМ был не очень хорошим, но его речь и дикция были по-настоящему скверными.